

СТИВЕН КИНГ

МРАЧНЫЕ ИСТОРИИ, КАК ВЫ ЛЮБИТЕ

Перевод Ернара Шамбаева (2024)

"Мрачные истории, как вы любите" (2024) — это новый сборник рассказов и повестей Стивена Кинга, общепризнанного короля ужасов и мастера триллеров.

Сборник включает в себя 12 произведений, 6 из которых уже были ранее переведены и выложены в Сети в 2023 году.

В данном сборнике:

[1. Дурной сон Дэнни Кофлина](#)

[2. Человек-ответ](#)

[3. Гремучие змеи](#)

[4. Два талантливых засранца](#)

[5. Чудик Вилли](#)

[6. Зловещие грёзы](#)

Детектив, ужасы, фантастика, мистика, чёрный юмор — талант Кинга многогранен!

Перевод и примечания сделаны Ернаром Шамбаевым, телеграм-канал: https://t.me/king_holly

В конце этого сборника вас ожидает приятный бонус — [свежее интервью с Мастером Кингом](#).

А теперь - откиньтесь на спинку кресла и наслаждайтесь.

Вас ожидает увлекательное, незабываемое путешествие!

В путь, друзья!

Зловещие грёзы

Я не представляю себе, что такое Вселенная. Возможно, у меня имеются кое-какие догадки. И у вас они могут быть. Или нет. Но всё, что я могу вам сказать, — остерегайтесь сновидений. Они опасны. Я проверил это на собственном опыте.

* * *

Я отслужил два срока во Вьетнаме. Демобилизовался в июне 1971 года. Никто не плевал в меня, когда я сходил с трапа самолёта в Нью-Йорке, и никто не называл меня убийцей детей. Никто, конечно, и не поблагодарил меня за службу, так что это ничья. Мой рассказ — мемуары? исповедь? — не имеет никакого отношения к Вьетнаму, хотя, с другой стороны, имеет. Определенно имеет. Если бы я не провел двадцать шесть месяцев в этих беспролазных джунглях, то, возможно, попытался бы остановить Элджина, когда показались зубы. Хотя вряд ли бы у меня это получилось. Джентльмен науки²¹⁴ намеревался довести дело до конца и в каком-то смысле довёл. Но я мог хотя бы уйти и не участвовать в его жутком эксперименте. Я остался с Элджином, потому что молодой человек, который ушел на войну во Вьетнам, и

---

²¹⁴ Джентльмен науки — независимый исследователь, финансово независимый ученый, который занимается научными исследованиями без прямой принадлежности к публичным институтам, таким как университетские или правительственные научно-исследовательские и опытно-конструкторские учреждения

молодой человек, который вернулся оттуда, были разными людьми. Теперешний молодой человек был пуст. Эмоции были выжжены. Короче говоря, вышло так, как вышло. Я не считаю себя виновным и не несу ответственности за произошедшее. Он в любом случае продолжил бы свои опыты, со мной или без меня. Я просто знаю, что остался, даже когда понял, что мы пересекаем грань безумия. Наверное, я просто хотел пробудить себя, и, наверное, мне это удалось.

* * *

Я вернулся в Мэн и на некоторое время остановился у матери в Скаухигане. У нее всё было в порядке. Она работала помощницей менеджера в магазине "Банановая лавка Джорджа", звучит как придорожный ларек, но это был продуктовый магазин. Она заметила, что я изменился, и я согласился. Спросила, чем я собираюсь заниматься, и я ответил, что поищу что-нибудь в Портленде. Сказал, что буду делать то, чему научился у Сисси, и она похвалила меня. Думаю, она была рада, когда я от неё съехал. Наверное, я её сильно напрягал. Однажды я спросил её, по кому она скучает — по отцу или по отчиму. Она ответила, что по отцу. Лестера она охарактеризовала так: "Скатертью дорожка".

Я купил подержанную машину, поехал в Портленд и подал заявление на работу в агентство под названием "Темп-О". Женщина, которая приняла моё заявление, сказала:

— Я не вижу, где вы учились. — Её звали миссис Фробишер.

— Я не учился.

— Что не делали?

— Не ходил в школу.

— Молодой человек, вы, видимо, не понимаете. Мы нанимаем стенографистов, чтобы подменять тех, кто болеет или увольняется. Некоторые из наших сотрудников работают в окружном суде.

— Но вы проверьте меня, — сказал я.

— Вы знакомы с системой Грегга²¹⁵?

— Да. Я научился у своей сестры. Я помогал ей с домашними заданиями, но в итоге оказался лучше её.

— Где работает ваша сестра?

— Она умерла.

— Мне очень жаль. — Хотя особого сочувствия в голосе миссис Фробишер я не услышал, я её не винил. Людям хватает своих собственных трагедий, чтобы переживать еще и за чужие. — Сколько слов в минуту?

---

²¹⁵ распространенная в США система стенографирования. Стенография этого образца основана на геометрических линиях разной длины и высоты, важное значение имеет направление начертания алфавитных знаков

— Сто восемьдесят.

Она улыбнулась.

— Правда?

— Правда.

— Сомневаюсь.

Я промолчал. Она протянула мне блокнот и карандаш "Эберхард Фабер".

— Я с огромным удовольствием посмотрела бы на сто восемьдесят в деле.

Я открыл блокнот. Я вспомнил, как мы с Сисси сидели в её комнате: она за письменным столом в круге света лампы, я на кровати. Она говорила, что я лучше её. Она говорила, что я схватываю так, как можно было бы лишь мечтать, и это было правдой. Для меня это было похоже на изучение вьетнамского языка, а также диалектов тай и муонг. Это не навык, а просто талант. Я видел, как слова превращаются в крючки и петли. Толстые линии, тонкие линии, завитки. Они маршировали по моему разуму строем. Вы можете спросить, нравится ли мне это, и я отвечу: иногда. Как человеку иногда нравится дышать. Большую часть времени вы просто дышите, не замечая этого.

— Вы готовы?

— Всегда готов.

— Мы это сейчас увидим. — Затем она протараторила. — Не знает милосердие принуждения, двойная благодать его струится с небес, как тихий дождь; вы не можете просто прийти с улицы и сказать, что стенографируете со скоростью сто восемьдесят слов в минуту; благословен как пощадивший, так и пощаженный²¹⁶. А теперь прочтите это.

Я прочитал, не упомянув о том, что она немного ошиблась в последних словах речи Порции. Несколько секунд она просто смотрела на меня, а потом вымолвила:

— Да чтоб мне провалиться.

* * *

Я работал в "Темп-О" уже около десяти месяцев. Мы проигрывали во Вьетнаме. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять это. Иногда люди не могут остановиться, хотя следовало бы. Эти мысли снова возвращают меня к Элджину. Джентльмену науки.

Когда я начал работать, нас было четверо, потом шестеро, потом это число сократилось до трех, затем снова возросло до шести. Одним словом, высокая текучка кадров. Моими коллегами были одни женщины, кроме Пирсона, высоченного парня с залысинами, которые он старался прикрыть, и экземой вокруг носа и уголков рта. Вокруг рта она выглядела, как засохшая слюна. Пирсон работал там, когда я пришел, и остался, когда я уволился. Он мог стенографировать около шестидесяти слов в минуту. В хороший день. Если люди говорили слишком быстро, он просил "помедленнее, помедленнее". Иногда, когда было мало работы,

---

²¹⁶ строчка из пьесы Уильяма Шекспира "Венецианский купец" в переводе И.Мандельштама

мы устраивали гонки-соревнования. Две минуты рекламы по телевизору. Средства для мытья посуды. Зубная паста. Бумажные полотенца. Товары, которые приобретают женщины, смотрящие дневное ТВ. Я всегда выигрывал. Через некоторое время Пирсон перестал даже пытаться. Он называл это ребячеством. Не знаю, зачем миссис Фробишер держала его. Она не спала с ним. Думаю, он стал чем-то, к чему привыкаешь и перестаешь замечать, как к стопке рождественских открыток на столе в прихожей, которые остаются там до Дня святого Валентина. Меня он не любил. Я к нему не испытывал никаких чувств, потому что в таком состоянии пребывал в 1971 и 1972 годах. Но именно Пирсон познакомил меня с Эдждином. Можно и так сказать. Хотя он об этом даже не узнал.

Мы приходили около восьми тридцати или девяти и сидели в подсобке на Иксчейндж-стрит, пили кофе, ели пончики, смотрели маленький переносной телевизор или читали. Иногда устраивали гонки. Обычно лежало два или три экземпляра "Пресс Геральд"²¹⁷, и Пирсон всегда брал газету, бормоча себе что-то под нос и потирая экзему так, что кожа с него летела снежными хлопьями. Миссис Фробишер вызывала Энн, Дайан или Стеллу, если это была обычная работа. В суд, если кто-то заболел, в основном отправляли меня. Мне пришлось освоить стенографическую машинку и носить стеномаску, но это не составило проблем. Иногда меня отправляли на совещания с участием высокопоставленных персон, где запись была запрещена. Тогда оставались только я и мой блокнот. Я любил этот вид работы не больше остальных. Иногда я транскрибировал, делая расшифровку, а потом должен был сдать свой блокнот. Ничего особенного. Иногда мне давали чаевые.

Пирсон имел привычку швырять страницы газеты на пол, когда дочитывал их. Однажды Дайан назвала это паскудством, на что Пирсон ответил ей, что если ей не нравится, она может свернуть газету в рулончик и засунуть её себе в задницу, и через пару недель Дайан уволилась. Иногда я подбирал брошенные Пирсоном страницы и просматривал их. Когда не было работы, в подсобке, которую мы называли обезьянником, становилось дико скучно. Игровые и ток-шоу надоели. Я всегда носил с собой книгу в мягкой обложке, но в тот день, когда я узнал об Эдджине (хотя тогда я еще не знал его имени, потому что его не было в объявлении), книга, которую я читал, не увлекала меня. Это была военная книга, написанная человеком, понятия не имеющим о войне.

Я поднял страницу с объявлениями. Продажа автомобилей частными владельцами на одной странице и вакансии на другой. Я пробежал глазами вакансии, не то чтобы искал другую работу, меня вполне устраивала "Темп-О", просто убивал время. Слова "Джентльмен науки", выделенные жирным шрифтом, привлекли мое внимание. И слово "флегматичный". Такое слово не часто встретишь в объявлениях.

ДЖЕНТЛЬМЕНУ НАУКИ требуется помощник для проведения серии экспериментов. Стенографические навыки обязательны (60-80 слов в минуту или больше). Отличная зарплата при наличии отличных рекомендаций. Конфиденциальность и флегматичный темперамент также обязательны.

Там был указан номер. Любопытствуя, кому же нужен флегматичный ассистент, я позвонил. Просто убивая время. Это было в четверг в полдень. В субботу я проехал около семидесяти миль до Касл-Рока на своем подержанном "Форде" и выехал на Лейк-роуд, которая

---

²¹⁷ Портлендская ежедневная газета

заканчивалась у озера Дарк-Скор. На берегу стоял большой каменный дом с закрытым въездом, а за ним — маленький каменный домик, в котором я поселился, работая на Элджина, Джентльмена науки. Дом не был особняком, хотя не сильно от него отличался. На подъездной дорожке стояли "Фольксваген-жук" и "Мерседес". У "Жука" был номерной знак штата Мэн, наклейка с цветком на крышке бензобака и наклейка на бампере с надписью "Остановите войну". Я узнал эту машину. У "Мерседеса" был массачусетский номер. Я подумал, что он принадлежит Джентльмену науки, и оказался прав. Я так и не узнал, откуда у Элджина водились деньги. Наверное, джентльмены не рассказывают подобных вещей. Я решил, что он их унаследовал, потому что у него не было работы, насколько я мог судить, кроме джентльменской науки, и он называл этот почти-особняк своим летним домом. Понятия не имею, где у него был зимний дом. Вероятно, в Бостоне или одном из тех отдаленных пригородов, где черные или азиатские лица косили газоны и подавали обед (и только за этими занятиями их там можно было лицезреть). Я мог бы покопаться, поспрашивать в городе, потому что городские жители имеют склонность знать всё, и если спросить правильно, они всегда расскажут, они жаждут рассказать, ничего не убивает время лучше, чем сплетни, и я знал, как спросить, ведь сам вырос в маленьком городке и грассировал как настоящий янки, но я был не "в том психологическом состоянии", как мы тогда говорили. Мне было всё равно, был ли это Уэстон, Бруклин или Бэк-Бэй. Мне даже было всё равно, получу ли я эту работу или нет. Я не был болен, но и не был здоров. Вы можете понять меня, а может, и нет. Большинство ночей я не спал, и темнота была полна долгих часов. Большинство ночей я сражался с войной, и война побеждала. Это старая история, знаю. Её можно иногда увидеть по телевизору.

Я припарковался рядом с "Жуком". Из дома вышла молодая женщина, держа в одной руке портфель, а в другой — стенографический блокнот. Она была в костюме с юбкой. Это была Дайан, в последнее время работавшая в "Темп-О".

— Привет, незнакомка, — сказал я.

— И тебе. Ты, наверное, следующий. Надеюсь, тебе повезёт больше.

— Не прошла?

— Он сказал, что перезвонит мне. Я знаю, что это значит. Пирсон всё еще там?

— Да.

— Вот мурак.

Она села в своего "Жука" и укатила. Я позвонил в звонок. Элджин открыл дверь. Он был высоким и худым, с длинными зачесанными назад белыми волосами, как у концертного пианиста. На нем была белая рубашка и брюки цвета хаки, висевшие так, словно он похудел. На вид ему было около сорока пяти. Он спросил, я ли Уильям Дэвис. Я ответил утвердительно. Он спросил, есть ли у меня стенографический блокнот. Я ответил, что у меня их с полдюжины на заднем сиденье машины.

— Лучше захватите один.

Я взял один, полагая, что повторится история, как с миссис Фробишер. Он провел меня в гостиную, которая словно всё ещё хранила призрак зимы, когда дом опустел, а озеро

превратилось в лед. Он спросил, взял ли я с собой резюме. Я достал бумажник и показал ему свой армейский документ о почётной отставке, сказав, что это мое резюме. Я не думал, что его заинтересует, что я заправлял машины или работал посудомойщиком в "Безголовой женщине" после окончания школы.

— После того как я демобилизовался, я работал в Портленде в агентстве под названием "Темп-О". Ваша последняя претендентка тоже там работала. Можете позвонить, если желаете. Спросите миссис Фробишер. Возможно, она даже не уволит меня с работы, если узнает, что я ищу другую.

— Почему это?

— Потому что я у нее лучший.

— Вам действительно нужна эта работа? Потому что вы кажетесь, как бы это сказать, апатичным.

— Я бы не отказался от перемен. — Это было правдой.

— А что насчет зарплаты? Хотите узнать о ней? И о том, как долго будет длиться работа?

Я пожал плечами.

— Перекати-поле, да?

— Не знаю. — Это тоже было правдой.

— Скажите, мистер Дэвис, вы сможете произнести по буквам слово "флегматичный"?

Я произнес по буквам.

Он кивнул.

— Потому что последняя претендентка не смогла, хотя должна была прочитать это слово в моем объявлении. Сомневаюсь, что она вообще знала, что оно значит. Мне она показалась легкомысленной. Она была такой, когда вы работали вместе?

— Я бы не хотел её обсуждать.

Он улыбнулся. Тонкие губы. Линии, идущие по бокам рта, как у куклы чревовещателя. Очки в роговой оправе. Он не был похож на ученого. Он выглядел так, будто пытался выглядеть как ученый.

— Где вы служили? Во Вьетнаме?

— В основном.

— Вы убивали?

— Без комментариев.

— Есть какие-нибудь медали?

— Тоже без комментариев.

— Справедливо. Когда вы говорите, что вы лучший в "Темп-О" — я видел пару других оттуда, не только Дайан Биссоне, — о каком количестве слов в минуту идет речь?

Я озвучил цифру.

— Я проверю вас на это. Просто обязан. Если вы лучший, именно это мне и нужно. Стенография будет единственным документированием. Почти единственным. Не будет никаких аудиозаписей моих экспериментов. Не будет киносъемок. Будут снимки "Полароидом", которые я сохраню, если опубликуюсь, и уничтожу, если публиковаться не буду.

Он ждал, когда я проявлю любопытство, и мне действительно был интересно, но не настолько, чтобы спрашивать. Он либо расскажет мне, либо нет. На журнальном столике лежала стопка книг. Он взял верхнюю и проверил меня по ней. Это была "Человек и его символы"²¹⁸. Он говорил в хорошем темпе, но не так быстро, как миссис Фробишер. Там была техническая терминология, жаргонизмы типа "активация-синтез" и труднопроизносимые имена и названия, такие как Аниэла Яффе²¹⁹ и Брешианский университет, но я видел их правильно. Именно так и есть, своего рода видение. Я записал всё, хотя он и споткнулся на имени Яффе, произнеся его как Яфф, и перечитал ему.

— Вы растрчиваете свой талант в "Темп-О", — произнёс он.

Я не нашелся с ответом.

— Вы будете жить здесь на время моих экспериментов. В гостевом доме на заднем дворе. Будут выходные. Много свободного времени. У вас есть какие-нибудь медицинские навыки благодаря службе?

— Немного. Я могу вправить кость и реанимировать кого-нибудь. Если этого человека вовремя вытащили из озера. Сомневаюсь, что вам здесь понадобятся сульфаниламиды.

— Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— Вы выглядите старше.

— Конечно.

— Вы случайно не были в Ми Лае?²²⁰

— Это было до меня.

Он взял в руки одну из книг в стопке: "Архетипы и коллективное бессознательное". Взял другую под названием "Воспоминания, сновидения, размышления". Он поднимал и опускал их, словно взвешивая на невидимых весах. — Знаете, что общего у этих книг?

---

²¹⁸ книга Карла Юнга, швейцарского психолога и психиатра

²¹⁹ Аниэла Яффе — психолог, работала секретарём К. Юнга

²²⁰ массовое убийство в Сонгми или резня в Ми Лае — военное преступление, совершённое солдатами армии США в деревенской общине Сонгми

— Обе написаны Карлом Юнгом.

Он поднял брови.

— Вы правильно произнесли его имя.

"Лучше, чем вы произнесли Аниэла Яффе", — подумал я, но промолчал.

— Полагаю, вы не говорите по-немецки?

— Ein wenig²²¹, — ответил я и развел большой и указательный пальцы в стороны.

Он взял из стопки еще один том. Книга называлась "Gegenwart und Zukunft".

— Это мое сокровище. Раритет, первое издание. "Настоящее и будущее". Я не могу ее прочесть, но смотрю картинки и изучил графики. Математика — это универсальный язык, как вы, я уверен, сами знаете.

Я этого не знал, потому что нет универсального языка. Числа, как и собак, можно обучить разным трюкам. А название его первого издания на самом деле было "Современность и будущее". Между "настоящим" и "современным" есть огромная разница. Целая пропасть. Мне это было безразлично, но меня заинтересовала книга, лежавшая под "Gegenwart und Zukunft". Это была единственная книга не Юнга. Это была "По ту сторону сна" Г.Ф. Лавкрафта. У человека, которого я знал в доках, артиллериста, был экземпляр этой книги в мягкой обложке. Она сгорела, и он тоже.

Мы еще поговорили. Предложенная им зарплата оказалась настолько высокой, что я задумался, законны ли его эксперименты. Он несколько раз давал мне возможность спросить об этом, но я не спрашивал. Наконец, он перестал меня дразнить и спросил, хочу ли я угадать, чего будут касаться его эксперименты. Я ответил, что, вероятно, сновидений.

— Да, но думаю, что пока сохраню настоящую природу своего интереса, так сказать, "направление", при себе.

Я не спросил о направлении, еще одна вещь, на которую я не удосужился обратить внимание. Он сфотографировал на свой "Полароид" мои документы об отставке, а затем предложил работу.

— Конечно, вы можете продолжать работать в "Темп-О", но здесь вы будете помогать мне исследовать области, в которые не вторгался ни один психолог, даже Юнг. Девственные территории.

Я согласился. Он сказал, что мы начнем в середине июля, и я вновь ответил согласием. Он попросил мой номер телефона, я дал его ему. Я сказал, что это телефон в пансионе и он стоит внизу в холле. Он спросил, есть ли у меня девушка. Я ответил, что нет. Он не носил обручального кольца. Я не заметил в его доме никакой прислуги. Я сам себе готовил или ел в кафе в городе. Не знаю, кто готовил ему еду. В Элджине было что-то вечное, что-то вневременное, как будто у него не было ни прошлого, ни будущего. У него было настоящее, но

---

²²¹ Немного

он был несовременен. Он курил, но я никогда не видел, чтобы он пил. Всё, что у него было, — это его одержимость снами.

На выходе я спросил:

— Вы что, хотите перелезть через стену сна?

Он рассмеялся.

— Нет. Я хочу проползти под ней.

* * *

Он позвонил мне первого июля и попросил подать заявление об увольнении за две недели. Я так и сделал. Я не надеялся, что миссис Фробишер скажет мне не беспокоиться о двух неделях и даст легко уйти (или свалить по-быстрому), и не ошибся. Я был у неё лучшим, и она хотела выжать из меня как можно больше. Он перезвонил восьмого июля и попросил переехать к нему четырнадцатого, как только я уволюсь. Он предположил, что если я живу в пансионе, то вещей у меня, наверное, не так уж много. В этом он был прав. Он сообщил, что у него сразу же есть для меня небольшое задание.

* * *

Последним, с кем я пообщался в "Темп-О" был Пирсон. Я сообщил ему, что он козёл. Он никак не отреагировал. Возможно, согласился с этой оценкой. Возможно, подумал, что я могу его ударить. Не знаю. Я подъехал к гостевому домику и увидел связку ключей, на которой висели два ключа, а третий торчал в замке. Четыре комнаты. Уютные. Теплее, чем в большом доме, вероятно, потому что пристройку сделали позже, когда уже появилась теплоизоляция стен. В гостиной был камин, а на заднем дворе — куча поленьев, накрытых брезентовым тентом. Я люблю огонь в камине, всегда любил. Я не стал заходить в большой дом. Подумал, что Элджин увидит мою машину и поймет, что я приехал. В маленькой кухне были интерком и факсимильный аппарат. Я никогда раньше не видел домашних факсов, но знал, что это такое, повидав несколько в штабах во Вьетнаме. На кухонном столе лежал альбом. К нему была приклеена записка, которая гласила: "Ознакомьтесь с этим. Возможно, вы пожелаете сделать заметки".

Я пролистал альбом. Заметок не делал. У меня хорошая память. В альбоме было двенадцать страниц и двенадцать фотографий под целлофаном или, возможно, это был рыбий клей. Две фотографии были с водительских удостоверений. Две — снимки голов. Шесть женщин и шесть мужчин. Все — разных возрастов. Самый младший выглядел как школьник. Под фотографиями были указаны их имена и профессии. Двое были студентами колледжа. Двое были учителями, вероятно, на летних каникулах. Один был пенсионером. Остальные были "голубыми воротничками", теми, кого называют рабочим классом: официантками и продавцами, плотником и дальнобойщиком.

В холодильнике были яйца и бекон. Я поджарил четыре яйца на жиру от бекона. Сбоку была небольшая терраса с видом на озеро. Я поел там, глядя на воду. Когда солнце было между горой Вашингтон и горой Джефферсон, и золото отражалось в озере, я вернулся в дом и лёг

спать. В ту ночь я спал лучше, чем за последние четыре года. Десять часов бездумной, пустой темноты. Наверное, так ощущается смерть.

* * *

В субботу утром я спустился к берегу озера. Там стояла скамейка, на которой сидел Элджин и курил. Всё в той же белой рубашке и тех же длинных брюках цвета хаки. Я никогда не видел его в другой одежде, словно это была своего рода униформа. Он попросил меня присесть рядом с ним, что я и сделал.

— Хорошо устроились?

— Да.

Он достал из набедренного кармана бумажник и протянул мне чек. Тот был выписан на мое имя от компании ООО "Дрим Корпорейшн". Сумма составляла тысячу долларов.

— Вы можете отнести его в "КиБанк" в Касл-Роке. Там у меня есть счета, как личные, так и корпоративные. Можете открыть себе счет, если пожелаете.

— Я могу просто обналичить его?

— Конечно. Вы помните первого испытуемого из альбома, что я вам оставил?

— Да. Алтея Гибсон. Парикмахер. На вид ей около тридцати.

— Хорошая память. Эйдетическая? Учитывая вашу скорость стенографии и знание вьетнамского, думаю, что да.

Значит, он немного покопался, провел небольшое расследование. Сделал несколько звонков, как говорят в таких случаях.

— Наверное. Я научился стенографии у сестры. Помогал ей в учёбе.

— И у вас это получалось лучше.

— Наверное, так. Но она добилась большего. Получила работу менеджером по персоналу в медицинском центре Восточного Мэна. Там лучше зарплата. — Ему необязательно было знать, что она умерла, я не хотел распространяться на эту тему.

— Вы были переводчиком во Вьетнаме.

— Некоторое время.

— Не желаете об этом говорить? Ладно. Здесь же хорошо? Спокойно. Позже появятся любители пикников. Жужжание лодок раздражает, оно тянется со Дня поминовения²²² до Дня труда²²³, но фанаты пикников остаются дальше по пляжу.

— Ваш участок уединенный.

---

²²² День поминовения — национальный день памяти США, отмечаемый ежегодно в последний понедельник мая

²²³ День труда — национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября

— Да. Мне нравится уединение. Мистер Дэвис, я верю в то, что могу изменить мир.

— Вы имеете в виду мир снов.

— Нет. Весь мир. Если у меня получится. — Он поднялся. — Я пришлю вам факс. Просмотрите его. Миссис Гибсон будет здесь в два часа дня во вторник. Я заплачу ей за закрытие её парикмахерской. Встретьте её и проводите внутрь. Я хочу заранее показать вам, как всё устроено. Скажем, в полдень. На случай, если она придет раньше.

— Хорошо.

— Прочитайте факс. Если будут замечания, воспользуйтесь интеркомом. В ином случае вы свободны до вторника. — Он протянул руку. Я встал, чтобы пожать ее. Меня снова поразил его вид вне времени. Какой-то умиротворенный. Он верил, что изменит мир. Он действительно верил в это.

* * *

Когда я варил кофе, затарахтел факс. Это был бланк согласия для его подопытных кроликов. Я снова задумался о законности данной операции. Там были поля, в которые испытуемый должен был вписать своё имя, адрес и номер телефона. Говорилось, что нижеподписавшийся был проинформирован и согласился на введение лёгкого снотворного препарата перед испытанием. Говорилось, что препарат выветрится через шесть часов или меньше и что испытуемый будет чувствовать себя хорошо. Поскольку препарат будет вводить Элджин и ответственность за последствия на меня не ложится, то у меня не возникло лишних мыслей. Признаюсь, мне становилось всё интереснее и интереснее. Я подумал, что, возможно, Элджин был сумасшедшим. После Вьетнама у меня был нюх на это. Я поехал в город и купил продукты. Банк был открыт до полудня. Я открыл счёт и положил на него сумму с чека, обналичив сто долларов. Не было никаких дополнительных проверок, значит, чек был надёжным. Я отобедал в "Закусочной Касл-Рока"²²⁴, затем вернулся в гостевой домик и вздремнул. Сновидений не было.

* * *

Во вторник в полдень я появился в его большом доме. Элджин ждал меня на крыльце. Внутри дома с левой стороны была гостиная, где он смотрел мои документы о демобилизации и показывал свои книги Юнга. Справа были двойные двери. Он открыл их. Раньше там была столовая, но теперь она стала его лабораторией, где он собирался проводить свои эксперименты. Эта комната была разделена на две части фанерной стеной. Одна половина комнаты предназначалась для его подопытных. Там стояла кушетка с поднятой головой и опущенными ножками, как у психиатра. С одной стороны кушетки на штативе была установлена фотокамера "Полароид", направленная вниз. С другой стороны стоял маленький столик, на котором лежал блокнот "Блу Хорз", открытый на первой чистой странице, и ручка. Видимо, он ожидал, что его подопытные будут делать заметки или, возможно, захотят зафиксировать свои сновидения, пока те были свежи. На стенах были установлены колонки "Боуз". Посередине фанерной стены, обращенной к поднятой части кушетки, висело зеркало, и нужно было не просмотреть ни одного полицейского телесериала, чтобы не догадаться, что это

---

²²⁴ Эта закусочная, в частности, упоминается в романе С. Кинга "Гвенди и её шкатулка"

было одностороннее стекло. На стороне Элджина стоял стол и ещё один "Полароид" на штативе, направленный на кушетку через одностороннее стекло. На столе был микрофон. Ряд кнопок. На стенах были еще колонки. Стереосистема "Филипс" с пластинкой на проигрывателе. Рядом с односторонним стеклом стоял стул.

— Это ваше, — сказал он, указывая на стул. — Ваш пост, где вы будете сидеть и наблюдать. У вас есть свежий блокнот?

— Да.

— Записывайте все мои слова. Если миссис Гибсон что-то скажет, вы услышите это из колонок с этой стороны и тоже фиксируйте. Если не разберёте, что она сказала — часто речь во сне неразборчива, — проведите двойную черту.

— Если бы был магнитофон... — начал я, но он отмахнулся.

— Я же сказал, что не будет записываться ни звук, ни изображение. Будут только "Полароиды". Я управляю звуковой системой и обеими камерами со стола.

— Без звука, без киноплёнки, понял. — Также не было никакого медицинского оборудования и не было никакой возможности записывать мозговые волны испытуемых или фазы быстрого сна. Весь этот проект выглядел каким-то безумием, но чек оказался надежным, как швейцарские часы, так что меня это устраивало. На лице Элджина не было ни возбуждения, ни нервозности. Олимпийское спокойствие. Он собирался изменить мир. Он был на все сто процентов в этом уверен.

Алтея Гибсон прибыла на пятнадцать минут раньше назначенного. Она была одной из тех двоих, кто прислал Элджину фотографию, сделанную, вероятно, профессиональным фотографом, использовавшим кольцевой свет, чтобы она выглядела немного моложе. Ей было около сорока, и она была полновата. Я встретил её у машины и представился помощником мистера Элджина.

— Мне немного страшновато, — сказала она, пока мы шли к дому. — Надеюсь, всё будет хорошо. Со мной всё будет в порядке, мистер Дэвис?

— Конечно, — заверил я её. — Всё пройдет, как по маслу.

Недаром говорят, что правда фантастичнее любого вымысла. Вот вам ярчайшее доказательство: женщина в конце проселочной дороги, заканчивающейся на частном пляже, разговаривает с мужчиной, которого она никогда раньше не видела, да и видела ли она ранее Элджина или только общалась с ним по телефону? Её не оттолкнуло, что с ней может случиться что-то плохое, хотя ей сказали, что ей дадут препарат, описанный как "лёгкое снотворное". Её не оттолкнуло, потому что плохие вещи случаются с другими людьми, в новостях по телевизору. Было ли это отсутствием воображения, что она не думала об изнасиловании или неглубокой могиле, или же это был лишь узкий горизонт её восприятия? Это поднимает вопрос о том, что такое воображение и что такое восприятие. Может, я думал в таком ключе, потому что повидал кое-что на другом конце света, где с людьми постоянно случались нехорошие вещи, иногда даже с парикмахерами.

— За восемьсот долларов, как я могла отказаться? — Она понизила голос и прошептала. — Я что, поймаю кайф?

— Я правда не знаю. Вы наша первая... — Кто же? — Наша первая клиентка.

— Вы же не воспользуетесь мной? — Сказано шутливо, в надежде, что это воспримут как шутку. — И он тоже?

— Ничего такого, — ответил Элджин, спускаясь в прихожую, чтобы поприветствовать её на крыльце. На плече у него висел небольшой плоский чемоданчик, похожий на полевую сумку разведчика. — Я абсолютно безвреден, как и Билл. — Он протянул обе руки, взял её за руки и слегка сжал. — Вам понравится. Обещаю.

Я протянул ей бланк согласия, который, вероятно, был таким же законным, как и трехдолларовая купюра. Она мельком пробежала глазами, заполнила пустые поля вверху, подписала внизу. Она жила своей жизнью и не представляла, что жизнь может закончиться или круто измениться. Слепота перед возможностями — это либо благословение, либо проклятие. Выбирайте сам. Элджин повел её к кушетке в бывшей столовой и достал из своего чемоданчика мензурку с прозрачной жидкостью. Он вытащил резиновую пробку и протянул ей мензурку. Она взяла её осторожно, словно боясь обжечься.

— Что это?

— Лёгкое снотворное, как я уже говорил. Оно введет вас в спокойное и безмятежное состояние и убаюкает вас. Не будет никаких побочных эффектов и похмелья. Это совершенно безвредно.

Она посмотрела на мензурку, затем, сделав жест как для тоста, произнесла:

— По губам и по зубам, держись, животик, оно там. — Она с легкостью выпила, правда фантастичнее любого вымысла, затем посмотрела на Элджина.

— Я думала, меня вырубит. Это была просто вода?

— В основном вода, — ответил он с улыбкой. — Вы вернетесь в свою машину и отправитесь домой... напомним, где вы живете?

— В Норт-Уиндхэме.

— Вы вернетесь в свою машину и поедете обратно в Норт-Уиндхэм в четыре часа с чеком на восемьсот долларов в сумочке. А пока расслабьтесь, и я скажу вам, что делать. Это очень просто. — Он взял у неё мензурку, вернул пробку и положил её обратно в чемоданчик, где для неё был специальный держатель. Он достал из кейса другую вещь. Это была картинка маленького домика в лесу. Дом был покрашен в красный цвет. У него была зеленая дверь с двумя каменными ступенями и кирпичный дымоход. Он протянул картинку ей.

— Сейчас я включу музыку. Очень тихую и спокойную. Послушайте её и смотрите на эту картинку.

— Ооо, я уже чувствую это. — Она улыбнулась. — Как после косяка. Так приятно!

— Смотрите на картинку, миссис Гибсон, и говорите себе: "Я хочу увидеть, что находится внутри этого дома".

Я записывал всё это, Г — для Гибсон и Э — для Элджина. Крючки и петли бежали по страницам девственно чистого стенографического блокнота. Я делал то, за что мне платили.

— А что внутри него?

— Зависит от вас. Возможно, вам приснится, как вы заходите в тот дом, и тогда вы увидите всё сами. Попробуете?

— А если мне не приснится, как я захожу в тот дом, я всё равно получу свои восемьсот долларов?

— Безусловно. Даже если вы просто приятно подремлете.

— Если я усну, вы разбудите меня к четырём? — Она начала клевать носом. — Соседка забирает мою дочку из школы, но я должна быть дома к шести, чтобы приготовить ей... приготовить ей...

— Приготовить ей ужин?

— Да, ужин. Посмотрите на эту зеленую дверь! Я бы никогда не покрасила дверь красного дома в зелёный цвет. Слишком по-рождественски.

— Смотрите на картинку.

— Смотрю.

— Вам снится дом. Попробуйте войти внутрь. — Как заклинание гипнотизёра.

— Хорошо.

Я подумал, что она уже под гипнозом. Наверное, если бы Элджин попросил её залаять, как собака, она бы попыталась.

— Войдите в дом и осмотритесь.

— Хорошо.

— Идите к гостиной.

— Хорошо.

— Но в гостиную не заходите, а просто подойдите к дверному проему.

— Нужно рассказать, как выглядит гостиная? Мебель и какие обои? Типа того?

— Нет, встаньте на колени и поищите трещину в полу. Прямо здесь, у дверного проема гостиной.

— А там будет трещина?

— Я не знаю, миссис Гибсон. Алтея. Это ваш сон. Если там есть трещина, просуньте в неё пальцы и поднимите пол гостиной.

Она одарила его мечтательной улыбкой.

— Я не смогу поднять пол, глупыш.

— Может, не сможете, а может, и сможете. Во снах возможно то, что в реальной жизни невозможно.

— Например, летать. — Мечтательная улыбка стала ещё шире.

— Да, как летать, — произнёс он с ноткой нетерпения в голосе, хотя для меня идея полёта во снах казалась такой же логичной, как и всё остальное, связанное с ними. По мнению Юнга, сны о полётах указывают на стремление психики освободиться от ожиданий других людей или — что ещё труднее, обычно невозможно — от собственных ожиданий.

— Поднимите пол. Посмотрите, что под ним. Если вспомните, когда проснётесь, запишите это в блокноте. Я задам вам несколько вопросов. Если не вспомните, ничего страшного. Мы скоро вернёмся, да, Билл?

Мы вышли из той части бывшей столовой, где лежала миссис Гибсон, и перешли в другую её часть. Я занял своё место перед односторонним стеклом, положив блокнот на колени. Элджин сел за стол и нажал одну из кнопок. Пластика закружилась, звукозаписчик опустился, и заиграла музыка. Это был Дебюсси. Элджин нажал другую кнопку, и музыка в нашей половине экспериментальной станции прекратилась, но я слышал её в половине миссис Гибсон. Она смотрела на картину. Она хихикнула, и я записал, не используя систему Грегга, а по-простому: "Г. смеётся в 14:14".

Прошло некоторое время. Десять минут по моим часам. Она изучала изображение домика с таким пристальным вниманием, какое бывает только у тех, кто находится под сильным кайфом. Постепенно картинка начала опускаться в её руке. Поскольку голова кушетки была обращена к нам, я видел, как её глаза то закрывались, то снова открывались. Её ярко-красные губы смягчились. Элджин теперь стоял рядом со мной, наклонившись вперёд и уперев руки в колени. Он напомнил мне одного полковника, которого я знал там, в другом мире, наблюдавшего в бинокль, как истребители-бомбардировщики F-100D из 352-й эскадрильи заходят на бреющем полёте над Бьенхоа, беременные огненным желе, которое они сбрасывали в оранжевой завесе, выжигая всё живое в чреве зелени, превращая лес в пепел и скелетные пальмы. Мужчин и женщин тоже, они кричали "nahn tu, nahn tu" непонятно кому, потому что никто их не слышал, а если бы даже и слышал, то никого бы это не взволновало.

Картинка с изображением дома опустилась ей на живот. Она спала. Элджин вернулся к столу и выключил музыку. Он, должно быть, также прибавил звук в нашей части, потому что я услышал её лёгкий храп. Он вернулся и занял прежнюю позицию. "Полароиды" по таймеру вспыхивали каждые тридцать секунд, один в нашей части, другой в части Гибсон. При каждой вспышке фотография выбрасывалась с кошачьим урчанием и падала на пол. Через три или четыре минуты после того, как она уснула, я увидел нечто и подался вперёд. Я не поверил, как не веришь тому, что противоречит привычному укладу вещей. Но это на самом деле происходило. Я потёр ладонью глаза, но картина не изменилась.

— Элджин. Её рот.

— Вижу.

Её губы раздвинулись, и между ними начали вздыматься зубы. словно из океана поднялось нечто вулканическое, только без острых выступов, кроме, пожалуй, клыков. Но это были не клыки и не звериные зубы, это были её зубы, только длиннее и больше. Губы откинулись назад, обнажив розовую подкладку. Её руки дёргались, поворачиваясь туда и обратно, пальцы тряслись. "Полароиды" вспыхивали и жужжали. Ещё два раза там, два раза у нас. Фотографии падали на пол. Затем в фотокамерах закончилась плёнка. Зубы начали втягиваться обратно. Руки ещё раз дёрнулись, и пальцы, казалось, заиграли на невидимом пианино. Затем и это прекратилось. Губы сомкнулись, но на её подносовом желобке остался слабый красный след от помады.

Я посмотрел на Элджина. Он выглядел одновременно и спокойным, и взволнованным. Я на мгновение увидел, что скрывалось под его безмятежностью, как гряда облаков в конце дня может разойтись ровно настолько, чтобы обнажить кроваво-красное сияние заходящего солнца. Если у меня и имелись сомнения, являлся ли Джентльмен науки Сумасшедшим Джентльменом науки, то теперь они окончательно отпали.

— Ты знал, что произойдёт? — спросил я.

— Нет.

Двадцать минут спустя, в 14:58, миссис Гибсон зашевелилась. Мы зашли на её половину, и Элджин растряс её до пробуждения. Она проснулась без всякой сонливости, просто потянулась, широко раскинув руки, как будто хотела обнять весь мир.

Г: Это было чудесно. Чудесный сон.

Э: Хорошо. Что вам снилось? Помните?

Г: Да! Я зашла внутрь. Это был дом моего дедушки! Те же самые часы Сета Томаса²²⁵ в прихожей, которые мы с сестрой называли "тик-так дедули".

Э: А гостиная?

Г: Она тоже была дедушкиной. Те же самые стулья, тот же диван с гладким конским волосом, тот же телевизор с вазой на нем. Не могу поверить, что всё это помню. Но вы же сказали, что это неважно.

Э: Вы пытались поднять пол?

Г (после долгой паузы): Да... я немного приподняла его...

Э: Что вы там увидели?

---

²²⁵ Сет Томас — американский часовых дел мастер и пионер массового производства часов

Г: Тьму.

Э: Значит, подвал.

Г (после долгой паузы): Не думаю. Я опустила его обратно. Пол. Он был тяжёлым.

Э: Что-нибудь было ещё? Когда вы подняли пол?

Г: Там был неприятный запах. Вонь. (Долгая пауза) Смрад.

Тем вечером я спустился к пляжу, где Элджин сидел на скамейке, и присел рядом с ним.

— Ты расшифровал свои записи, Уильям? — спросил он, щёлкая зажигалкой.

— Сегодня вечером сделаю. Что было в той мензурке?

— Ничего особенного. Флуразепам²²⁶. Даже не клиническая доза. Очень разбавленный.

— Ни одно вещество не сделало бы то, что мы видели.

— Да. Но он сделал её внушаемой. Я сказал ей, что делать, и она это сделала. Получила доступ к реальности по ту сторону сна, к реальности под миром сновидений, если угодно. Если предположить, что такая реальность существует.

— Что стало с её зубами...

— Да. — Его спокойствие вернулось. — Поразительно, правда? И имеется доказательство. "Полароиды" это покажут, если кто-то решит, что у нас была коллективная галлюцинация.

— Такая мысль мне даже в голову не приходила. Чем же ты занимаешься?

— Наконец, ты спросил.

— Да. Наконец, спрашиваю.

— Ты когда-нибудь задумывался о существовании, Уильям? По-настоящему задумывался? Потому что мало кто это делает.

— Задумывался и даже видел его конец.

— Ты имеешь в виду, на войне.

— Да.

— Но войны — это дело рук человеческих. По отношению к Вселенной, которая охватывает всё существование, всю материю, включая время как в прямом, так и в обратном направлении, человеческие войны значат не больше, чем копошение в муравейнике под увеличительным стеклом. Земля — наш муравейник. Звезды, которые мы видим по ночам, — это всего лишь первый дюйм вечности. Возможно, когда-нибудь телескопы, запущенные в космос до Луны, Марса и дальше, покажут нам галактики за галактиками, туманности, скрытые за другими

---

²²⁶ снотворное средство бензодиазепинового ряда

туманностями, невообразимые чудеса, и так до самого края Вселенной, за которой, может, нас ждёт другая Вселенная. Подумай о другом конце этого спектра.

Он отложил свою зажигалку "Зиппо", наклонился, набрал в кулак горсть песка с пляжа и пропустил его сквозь пальцы.

— Десять тысяч крошечных частиц земли в моём кулаке, может быть, двадцать тысяч или даже пятьдесят. Каждая из них состоит из миллиардов, триллионов или гуголплекса атомов и протонов, вращающихся по своим траекториям. Что удерживает всё это вместе? Что является связующей силой?

— У тебя есть теория?

— Нет, но теперь у меня есть способ посмотреть. Ты видел это сегодня. И я тоже. Предположим, наши сны — это барьер между нами и этой бесконечной матрицей существования? Может, это и есть связующая сила? Предположим, она осознанна? Предположим, мы можем преодолеть этот барьер, не пытаясь пройти сквозь него, а заглянув под него, как ребёнок, заглядывающий под цирковой шатёр, чтобы посмотреть представление?

— Барьеры обычно существуют не просто так.

Он засмеялся, как будто я сказал что-то смешное.

— Ты хочешь узреть Бога?

— Я хочу увидеть, что там есть. Я могу потерпеть неудачу, но то, что мы увидели сегодня, убеждает меня, что успех возможен. Пол её сновидений оказался слишком тяжёл для неё. У меня есть ещё одиннадцать испытуемых. Кто-то из них может оказаться сильнее.

Именно тогда мне следовало уйти.

* * *

В июле у нас было ещё два подопытных кролика. Одним из них была женщина-плотник по имени Мелисса Грант. Ей приснился дом, но она не смогла попасть внутрь него. По ее словам, дверь была заперта намертво. Вторым был владелец книжного магазина в Нью-Глостере. Он сказал, что его магазин, вероятно, разорится и закроется, но он не был готов сдаваться, а восемьсот долларов позволят ему оплатить аренду ещё на один месяц и закупить партию книг, которые всё равно мало кто купит. Он проспал два часа под музыку Дебюсси, а проснувшись, рассказал, что ему снился не дом, а его отец, умерший двадцать лет назад. Ему приснилось, будто они вдвоем ходили на рыбалку. Элджин дал ему чек и отправил восвояси. В нашем июльском расписании была ещё одна встреча — с мужчиной по имени Норман Билсон, но он так и не появился.

Первого августа к нам на Лейк-роуд приехал человек по имени Хирам Гаскилл. Он был строителем, который остался без работы. Он скинул ботинки и лёг на кушетку. Сказал: "Давайте приступим" и без лишних вопросов выпил содержимое мензурки. Посмотрел на картинку, и сначала я подумал, что лекарство на него не подействует, он был крупным парнем, весил, вероятно, около двухсот семидесяти фунтов, но в конце концов он сдался и захрапел. Элджин

принял свою обычную позу рядом со мной, подавшись вперёд, как стервятник, так что его нос почти касался стекла, а дыхание затуманивало его. Почти час ничего не происходило. Затем храп прекратился, и всё ещё спящий Гаскилл слепо нащупал ручку, лежащую на раскрытом листе блокнота "Блу Хорз". Он что-то написал в нём, не открывая глаз.

— Зафиксируй, — сказал Элджин, но я уже записал, не системой Грегга, а по-простому: "В 15:17 Гаскилл пишет примерно 15 секунд. Бросает ручку. Сейчас снова спит и снова храпит".

В 15:33 Гаскилл проснулся сам, сел и свесил ноги с кушетки. Мы зашли к нему, и Элджин спросил, что ему снилось.

— Ничего. Простите, мистер Элджин. Я всё равно получу деньги?

— Да. Всё в порядке. Вы уверены, что ничего не помните?

— Да, но это был хороший сон.

Я заглянул в блокнот и спросил Гаскилла, служил ли он.

— Нет, сэр, не служил. Ходил на медосмотр, и у меня обнаружили повышенное кровяное давление. Теперь принимаю таблетки.

Элджин прочитал написанное в блокноте. Когда Гаскилл укатил на своём стареньком пикапе, оставив за собой голубое облачко выхлопных газов, которое ветерок быстро развеял, Элджин постучал по единственной строке, написанной аккуратным почерком, хотя у человека, водившего ручкой, глаза были закрыты. На лице его отразились волнение и торжество.

— Это не его почерк. Даже близко не его.

Он положил бланк согласия Гаскилла рядом с блокнотом. Имя и адрес на бланке были написаны рукой человека, который писал редко и без особого желания. Хотя сведений об испытуемых Элджина у нас было не больше, чем у Элджина научного оборудования для опытов, чудовищный почерк Гаскилла явно говорил о нём как о человеке, который получил лишь столько школьного образования, сколько требовал штат Мэн, да и то неохотно, за исключением, пожалуй, занятий в мастерской. Почерк на блокноте был аккуратным и точным, хотя и без диакритических знаков над словами в нужных местах, и орфография была неправильной. Создавалось впечатление, что Гаскилл писал то, что слышал. Записывал под диктовку, как это делает стенографист. И возникал вопрос: кто же диктовал?

— Это ведь вьетнамский, не так ли? Поэтому ты и спросил, служил ли он.

— Да.

Конечно, это был вьетнамский. Mat trang da day cua ma guy.

— И что это значит?

— Это значит, что луна полна демонов.

* * *

Тем вечером, когда я спустился к воде, Элджин сидел на скамейке и снова курил. Вода была серой, как сланец. Не было видно ни одной лодки. Небо заполонили грозовые тучи, надвигавшиеся с запада. Я сел. Не глядя на меня, Элджин произнёс:

— Это послание было предназначено для тебя.

Конечно, так оно и было.

— Он знал, что ты был во Вьетнаме. Более того, он знал, что ты понимаешь вьетнамский язык.

— Что-то знало.

Молния ударила по воде в миле от нас, поразив электрическим разрядом рыб, оказавшихся у поверхности. Они всплывали и кормили чаек. Скоро пойдет дождь. Холмы на дальнем берегу Дарк-Скор скрылись за серой завесой, которая грозно подбиралась к нам.

— Возможно, пора остановиться. Что-то по ту сторону твоего барьера говорит: не связывайтесь со мной.

Он покачал головой, не отводя взгляда от надвигающегося дождя.

— Вовсе нет. Мы на пороге. Я чувствую это. Знаю это. — Теперь он повернулся ко мне. — Пожалуйста, не оставляй меня, Уильям. Твои навыки нужны мне как никогда. Если я опубликуюсь, мне понадобятся не только фотографии и стенограммы, но и твои черновики. Кроме того, ты являешься свидетелем.

Не просто свидетелем. Гаскилл или то, что вошло в Гаскилла, выделило именно меня. Не Элджина. Джентльмен науки играл с чем-то опасным и знал об этом, но либо не хотел останавливаться, либо не мог, что в конечном итоге одно и то же. Я же мог остановиться и, продолжая эту опасную игру, поступал глупо, но был ещё один момент. Со мной что-то произошло. Во мне пробудилось любопытство. Это было в равной степени и радостно, и ужасно. Во мне проявилось чувство, а их в моём мире было крайне мало. Когда видишь человека без ног, лицо которого сползает, даже когда он кричит в агонии, когда видишь его зубы на рубашке, как варварское ожерелье, и знаешь, что всего несколько секунд назад ты стоял на том месте, где он умирает сейчас, это оглушает твои чувства так, как оглушает кролика удар поленом и валит его на землю, еще дышащего, но с глазами, смотрящими в никуда. И когда к тебе начинают возвращаться чувства, то понимаешь, что, возможно, ты еще не потерял окончательно как человек.

— Я останусь.

— Спасибо, Уильям. — Он протянул руку и сжал мое плечо. — Спасибо.

Пошёл дождь, смешанный с градом, который жалил, как пчёлы. Элджин вернулся в свой большой дом, а я — в свой маленький. Град барабанил по окнам. Дул ветер. Той ночью мне приснилась полая луна, кишущая демонами, пожирающими друг друга живьём.

Пожирающими себя заживо, как змей Уроборос²²⁷. Я видел красный дом под полной луной. И зелёную дверь.

* * *

У нас было еще двое испытуемых перед тем, как всё закончилось. Шестая подопытная, женщина по имени Аннет Кросби, проснулась с криком. Когда она успокоилась, то рассказала, что ей приснился красный дом, она открыла зелёную дверь, а потом не помнила ничего, кроме тьмы, ветра, дурного запаха и бесплотного голоса, произнёсшего слово, похожее на "тантула" или "тамтуша". Суеверный ужас проник во все уголки её души. Она сказала, что не согласится снова увидеть этот сон ни за восемьсот долларов, ни за восемь тысяч. При этом она, правда, взяла чек от Элджина. А почему бы и нет? Она его заслужила.

Затем появился Бёрт Деверо, преподаватель математики в Академии Святого Доминика в Льюистоне. Он заполнил анкету и перед тем, как её подписать, задал Элджину несколько вопросов, больше, чем другие, о "лёгком снотворном", которое ему предстояло принять. К удовлетворению Деверо, Элджин ответил на все эти вопросы. Деверо подписал бланк, занял своё место на кушетке и выпил стакан с прозрачной жидкостью. Я устроился перед односторонним стеклом, положив блокнот на колени. Элджин сел за стол и включил музыку. В комнате испытуемых мистер Деверо изучал картинку красного дома с зелёной дверью. В конце концов, его глаза стали смыкаться, и картинка начала опускаться в его руке. Всё было так же, как и во всех других наших тестах, пока не пошло иначе.

* * *

Я сидел на стуле. Элджин находился на своем месте рядом со мной. Прошло десять минут. С закрытыми глазами Деверо потянулся к блокноту и ручке, лежавшей на открытой странице, потом опустил руку. Его пальцы начали сжиматься и разжиматься. Другая рука поднялась, поколебалась, затем быстро задвигалась. Я записал: "15:29, Дев поднимает правую руку, сжимает кулак и бьет себя по щеке".

— Он пытается разбудить себя, — сказал я.

Деверо начал дрожать всем телом, как человек, страдающий от лихорадки. Его ноги тряслись и двигались вразнобой. Спина выгнулась дугой. Средняя часть тела приподнялась с кушетки, ударилась об нее и снова поднялась. Ноги отбивали чечетку, и он начал издавать звук, похожий на "мум-мум-мум", как будто его губы слиплись от слюны, и он пытался их разжать, чтобы выдать слова.

— Нам нужно разбудить его.

— Подожди.

— Господи Иисусе, Элджин!

— Подожди.

---

²²⁷ "Змей Уроборос" — фэнтезийный роман Эрика Рюкера Эддисона; уроборос — свернувшийся в кольцо змей или ящерица, кусающая себя за хвост

"Полароиды" вспыхивали. Их хитрые встроенные моторчики жужжали. Снимки сыпались на пол и с нашей стороны, и с его, начиная проявляться. Его веки начали выпячиваться, пока глаза под ними не раздулись до размеров мячей для гольфа, словно от вливания гидростатической жидкости. Веки открылись не естественным образом, а разошлись в стороны. Глаза Деверо были серыми. Глаза, которые продолжали выпирать из глазниц, были мертвенно-черными. Они росли на его лице, как опухоли. Рука Элджина сжала мое плечо, но я едва это почувствовал. Никто из нас не спрашивал, что происходит, и не потому, что мы не могли поверить. С таким же успехом можно было наблюдать, как из камина выезжает локомотив. Деверо завопил, его глазные яблоки лопнули, и черные тонкие усики, колыхаясь, как стебельки одуванчика, вырвались наружу. Они потянулись к одностороннему стеклу, как будто почувствовали нас.

— Боже мой, — промолвил Элджин.

"Полароиды" вспыхивали. Черные усики отделились от черных глазных шаров, которые их породили, и поплыли к нам, сначала в небольшом облаке, но по мере приближения начали таять и исчезать.

— Они мне нужны! — закричал Элджин. — Мне нужны доказательства! Доказательства!

Он рванул к двери. Я схватил его и удержал. Он боролся, но я был сильнее. Я не пускал его туда не потому, что он был мне настолько дорог, а потому что не хотел, чтобы он открыл дверь и выпустил этих тварей наружу.

Разорванные черные глазные яблоки начали втягиваться обратно к лицу Деверо, как в фильме, запущенном в обратном направлении. Он произнес "мум-мум-мум". Промежность его штанов потемнела, когда опорожнился его мочевого пузыря. Разорванные черные глазные яблоки зажили сами собой: сначала появился шов, затем он исчез, и они снова стали гладкими, только выпирали из его лица маленькими бугорками, похожими на те, что иногда можно увидеть на старых деревьях. Потом они втянулись обратно, его глаза закрылись, и Деверо сильно скрутило в талии, и он упал на пол. Белая рубашка Элджина порвалась, когда он вырвался из моей хватки. Он выбежал за дверь, обогнул перегородку и оказался в другой половине. Он опустился на колени и обхватил руками плечи Деверо.

— Помоги мне, Уильям! Помоги мне!

Если бы Деверо был мертв, это было бы частично на моей совести, и даже в шоковом состоянии я это понимал. Выдать себя за свидетеля, а не соучастника, уже не получится. Поэтому я обошел перегородку, вошел в комнату для опытов и спросил Элджина, дышит ли Деверо.

Он наклонился вперед, затем отшатнулся.

— Да, но у него ужасное дыхание.

Дело было не только в дыхании. Деверо наложил в штаны. Я огляделся и увидел, что не все черные усики исчезли. Часть того, что Деверо притащил из красного дома, когда поднял пол в гостиной, возможно, налетевшее на него из тьмы и заразившее его одним агрессивным, проникающим вдохом, всё ещё плавало в дальнем углу комнаты под одной из колонок. Я

пристально наблюдал за ними. Если они двинутся в нашу сторону, я сбегу и оставляю Джентльмена науки разбираться во всём самому. В конце концов, это был его эксперимент. Но даже тогда, в те бесконечные минуты, я думал о далеких звездах, недоступных никакому телескопу, о дымящихся недрах ста тысяч песчинок и понимал, что это также и мой эксперимент. Я не убежал. Мог бы, но остался. Я почувствовал, как ко мне возвращается какое-то подобие нормального человеческого состояния, чем бы это ни было и существовало ли оно вообще. Как конечность, которая онемела от долгого неподвижного сна и которая, пробудившись, начала оживать. "Я встрял", как говорили мы в глубинке. Или "забудь, проехали". К черту, проехали.

— Нам нужно вытащить его отсюда. — Я указал на черные усики. Они беспокойно шевелились. Думаю, они наблюдали за нами.

— Мне нужен образец.

— Тебе нужно подумать о том, как ты будешь выглядеть в тюремной робе. Помоги мне.

Мы подняли его, Элджин взял его за лодыжки, а я — за остальное. Мы вытащили его за дверь, через коридор и в гостиную. Положили на пол, из уголков его рта текла слюна. Я вернулся и закрыл двустворчатые двери бывшей столовой, запирая черных тварей из другого мира, мира под полом, если только они не выберутся оттуда под дверным косяком. Я надеялся, что оставшиеся просто исчезнут. Если Элджин захочет возиться с ними, это его дело. С меня хватит их.

Но сначала нужно было разобраться с Деверо. Я попросил Элджина помочь мне усадить его, чтобы он не задохнулся. Мы приподняли его верхнюю половину, Элджин с одной стороны, я с другой, наши руки сцепились за спиной Деверо. Из уголков его глаз потекли черно-красные слезы. Кровь и что-то еще. Я не хотел знать, что это за "что-то еще". Я шлепнул его по щеке и, наклонившись к уху со своей стороны, сказал ему проснуться, очнуться, боясь того, как будут выглядеть его глаза, если он очнётся.

Его глаза открылись. Они были покрасневшими и серыми, как и раньше, но с совершенно пустым взглядом, лишенным какого-либо понимания. Элджин пощелкал пальцами перед его лицом, но без эффекта. Я поводил пальцами у его глаз, и тоже без эффекта. Он был дышащей куклой размером с человека.

— О, Боже, он придёт в себя?

— Не знаю. Придёт ли он в себя? Кто из нас учёный?

Элджин поднял одну из рук Деверо. Она безвольно висела, пока он снова не опустил её.

— Дадим ему час, — сказал он.

Мы дали ему даже два. Большинство черных усиков к тому времени исчезло, но несколько еще оставалось, и Элджин надел нитриловые перчатки и защитную маску, которые достал из одного из ящиков стола, и собрал их в пластиковый пакет. Я пытался его остановить, но он не слушал. Я думал, что они растают у него в руках, но этого не случилось. Один из них обвил его указательный палец, и Элджину пришлось отцеплять его, соскребая усик в пакет.

— Это глупость, — сказал я, на что он повторил:

— Это доказательства.

Всё это мне было явно не по душе. Учитель математики превратился в пускающего слюни манекена, который не подавал признаков здравого ума, и мне нужно было смириться с этим, и не ради Элджина, а ради себя. По крайней мере, бывший учитель и нынешний идиот не был женат и был бездетным.

Я подумал: "Я встрял".

Я подумал: "К черту, проехали".

— Ты отдал ему чек?

— Что? Нет. Я не отдаю чек, пока не закончится опыт и они не будут готовы уехать. Ты же знаешь.

— Сожги его. Он не приходил. Как и тот другой. Билсон.

Вот так просыпаешься в этом мире.

* * *

Я вытащил ключи из его кармана, влажного от мочи. Мы дотащили его до машины, неся, как мешок с мокрым и тяжелым бельем, и усадили на пассажирское сиденье. Он подался вперед и уперся лбом в приборную панель "Шевроле", словно молясь Аллаху. Я сказал Элджину откинуть его назад, а сам пристегнул ремень безопасности. Не во всех машинах были ремни, но в этой, к счастью, имелись. Это был трехточечный жгут, похожий на нагрудный ремень, который удерживал его в более или менее вертикальном положении, хотя его голова всё равно была опущена, а подбородок касался груди. Я подумал, что это не страшно, кто бы его ни увидел, мог подумать, что он спит. Один из тех черных усиков выполз из его носа и поплыл ко мне, но Элджин всё ещё был в нитриловых перчатках. Он схватил его в воздухе и сдул в сторону. Я задался вопросом, сколько их еще осталось в Деверо.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Не знаю.

Я сел в "Шевроле" и поехал обратно по Лейк-роуд. В зеркале заднего вида я увидел, как Элджин стоит на подъездной дорожке и смотрит мне вслед.

* * *

Я ехал с открытыми окнами и включенным на полную мощность кондиционером. На мне была пара нитриловых перчаток Элджина. Еще дважды черные твари вылезали из его носа и один раз из разинутого рта, но поток воздуха уносил их в пассажирское окно. Я ехал в направлении Льюистона-Оберна, но не собирался забираться так далеко. Я знал, где он живет, его адрес на Минот-авеню был указан в бланке согласия, но я не намеревался везти его в эти города-побратимы, да еще с учетом того, что нужно было пересадить его на водительское сиденье. Для этой задачи необходимо было найти тихое местечко.

Я ехал по шоссе 119 в Уотерфорде, когда увидел зону отдыха "Волчий коготь". В разгар дня там никого не было. Я припарковался под деревьями, обошел машину, открыл дверь с пассажирской стороны, отстегнул ремень безопасности, и Деверо подался вперед, пока его лоб снова не уперся в приборную панель. Я пожалел, что не попросил у Джентльмена науки одну из его масок, но какой толк был прикрывать рот и нос? Эти твари вылетали из глаз Деверо и с таким же успехом могли попасть и в мои. Мне оставалось лишь надеяться, что они все исчезли. Я не видел их последние десять миль, но они могли выползти и улететь через открытое окно, пока я смотрел на дорогу.

Я наклонил его к себе, поймал, вытащил из машины и поволок, огибая капот. На нем были мокасины, и один из них слетел. Его пустые глаза пристально уставились на солнце. Я усадил его за руль, но это заняло время и оказалось нелегко. Другого я и не ожидал. Хотя он дышал, но внутри был мертв, и я знал по опыту Вьетнама, что мертвые тяжелее живых. Не должны быть, но тяжелее. Гравитация жадна до мертвецов и хочет утащить их под землю. Просто мое мнение, но и другие его разделяют.

Он снова подался вперед, и я схватил его за волосы на затылке и потянул назад, прежде чем его лоб ударился о клаксон. Я пристегнул его ремнем безопасности, и его голова опустилась, пока подбородок не уперся в грудь. "И так сойдет", - подумал я. Я надеялся, что никто не появится, пока я не уберусь отсюда к чертовой матери. Я вставил ключи в замок зажигания, закрыл дверь и пошел по шоссе 119. Пройдя около четверти мили, я вспомнил о ботинке и вернулся назад. Наверняка, кто-то уже там, думал я, кто-то уже заглянул в открытое окно "Шевроле" с наклейкой Святого Доминика на бампере и сказал: "Эй, мистер, проснитесь", и "Эй, мистер, с вами все в порядке?", и "Кстати, мистер, что это за черные штуки выползают у вас из носа?"

Но там никого не было. Я поднял мокасин, снова открыл водительскую дверь и надел его ему на ногу. Затем замёл следы вокруг передней части машины, которые оставила его обувь, и вновь отправился в путь. Примерно через пять миль, когда моя тень начала тянуться далеко позади меня, я подошел к универсальному магазину и заправке с телефонной будкой. У меня было достаточно мелочи в кармане, и я не стал заходить в магазин, где кто-нибудь мог бы увидеть меня и запомнить. Возможно, ничего страшного не случилось бы, но к тому времени я уже начал думать как вор или убийца. Я позвонил Элджину, чтобы попросить забрать меня. Элджин не ответил, и я почувствовал страх. У меня был план, который мог бы обеспечить нам с Джентльменом науки алиби, но планы меняются. Я всё время думал о том, как он маниакально твердил "доказательства, доказательства". Я всё время думал о том, что он спятил, а потом понял, откуда это знаю. Я знал это с самого начала, но сказал "черт с ним, проехали".

Я повернул в другую сторону, моя тень теперь вырисовывалась всё длиннее и длиннее передо мной, а не позади. Приближалась машина, и я поднял большой палец. Она проехала мимо меня. Следующая промчалась тоже, но затем появился пикап, который замедлил ход и остановился. У водителя было обветренное красное лицо под седыми волосами.

— Куда едешь?

— В Касл-Рок. Там живет мой отец.

— Ну, залезай. Служил? У тебя такой вид, да и возраст подходящий для нынешней хреноты.

— Да, сэр, служил.

— И я. Около десяти тысяч лет назад. *Semper fi*²²⁸, нравится тебе это или нет.

Он рывком отпустил сцепление и заговорил о Корее, а потом спросил меня о пацифистах. Я согласился с его оценкой. Он сказал, что их всех надо отправить в Хейт-Факсберри²²⁹, и я ответил, что именно так и следует поступить. Он предложил мне пива. Я взял его, и когда он сказал "Возьми еще, солдат", взял еще. Через полчаса он остановился у обочины на Мейн-стрит в Касл-Роке.

— Мы надерём задницу этим узкоглазым сучьим сынам!

— Да, сэр.

— Береги себя, сынок.

— Так и действуем.

И он укатил. К тому времени наступил вечер, и на западе собирались грозовые тучи. Я прошел шесть миль до Лейк-роуд. Когда я добрался туда, дождь хлестал по озеру. Сверкали молнии. Гремел гром. В воздухе стоял запах озона. Моя машина всё еще была припаркована рядом с "Мерседесом" Элджина. Я вошел в дом. Он не включил свет, и прихожая превратилась в чашу теней.

— Элджин?

Ответа не было. Гостиная была пуста, книги разбросаны. "По ту сторону сна" валялась обложкой вверх. На журнальном столике лежали стеклянная пепельница, пачка "Винстона" и его зажигалка "Зиппо". Я взял "Зиппо" и положил себе в карман. Прошел в бывшую столовую, подумал было зайти в комнату с кушеткой, но, к счастью, передумал. Вместо этого я зашел в комнату с письменным столом, сел на свой стул и посмотрел через одностороннее стекло. То, что осталось от Элджина, Джентльмена науки, теперь лежало на кушетке. "Полароиды" были разбросаны. Разбитая мензурка валялась среди фотографий. На его голове было что-то, похожее на черный мешок. На некоторых фотографиях, тех, что лежали лицом вверх, было видно, как образовался этот мешок на его лице. На полу также лежали картинка красного дома с зеленой дверью и пластиковый пакет, в который он складывал свои "доказательства". Теперь пакет был пуст. Черный мешок на его голове был сделан из тех самых усиков. Он втягивался и вытягивался из того, что осталось ото рта Элджина, когда тот дышал. Я вспомнил о том, как он рассказывал мне о бесконечных вселенных где-то там и прямо под нашими ногами. Вспомнил о лице, сползающем с черепа человека. Вспомнил о горящем вертолете, тонущем в море напалма, которое сам же создал. Вспомнил, как надевал ботинок на ногу Деверо. Я думал о всех неизвестных и непознаваемых созданиях преисподней, которые могут существовать под барьером сновидений. Я подумал, что да, планы меняются. Элджин уже не мог спастись, но я, быть может, ещё могу.

---

²²⁸ "Всегда верен" — фраза, служащая девизом и названием некоторых структур, например, этот девиз использует корпус морской пехоты США

²²⁹ аллюзия на Хейт-Эшбери, район в Сан-Франциско, который был центром контркультуры и хиппи-движения в 1960-х годах, а в 1967 году принял знаменитое "Лето любви"

Несколько черных усиков, заметив меня, оторвались от черного мешка, пересекли комнату и прилипли к стеклу. Потом еще добавились. И ещё больше. Я смотрел, как они корчатся и извиваются, пока не составили мое имя: УИЛЬЯМ ДЭВИС.

* * *

На кухне стояла газовая плита. Я включил все конфорки и одну за другой задул голубые язычки пламени. Затем включил духовку и открыл её дверцу. Внутри загорелся запальник, и я задул и его. Создавая эту зарождающуюся газовую бомбу, я постоянно оглядывался через плечо, опасаясь черных усиков. Я был в страхе. Я был в ужасе. Я закрыл окна. Закрыл двери. Обошел гостевой домик и собрал свои вещи в дорожную сумку и чемодан. Положил их в багажник своей машины. Потом вернулся к крыльцу и стал ждать, щелкая зажигалкой. Молнии прожигали озеро, и гремел гром. Примерно через десять минут начался дождь, сначала просто барабания по крыше, как прелюдия к грозе. Я открыл дверь. Запах газа был невыносим. Я щелкнул "Зиппо", и когда появился огонёк, швырнул зажигалку и стремглав помчался к машине. Добравшись до нее, я уже начал думать, что ничего не произойдет, как тут же взорвалась кухня. Когда я отъезжал, дождь перешел в ливень. В зеркале заднего вида я увидел, что дом горит, как свеча, под черным небом, прорезанным молниями. На Лейк-роуд стояли дома и летние коттеджи, но никто не выходил на улицу во время грозы, а если кто и смотрел в окно, то видел лишь бесформенное пятно, похожее на машину. Я выехал из Касл-Рока и направился в Харлоу. Дождь ослаб, затем прекратился. В зеркале заднего вида, незадолго до того, как солнце скрылось за горами в Нью-Гэмпшире, я увидел радугу. Потом солнце скрылось, и радуга погасла, как неоновая вывеска. Я переночевал в мотеле в Гейтс-Фоллс и на следующее утро поехал в Портленд, в пансион, где я жил, когда работал в "Темп-О". В переднем окне висела табличка "Сдаются комнаты". Я позвонил в звонок, и миссис Блейк ответила.

— Опять ты.

— Да. Судя по вывеске, у вас есть комната.

— Так и есть, но не твоя. Она на третьем этаже и без кондиционера.

— Она дешевле той, что на втором?

— Нет.

— Я беру её.

* * *

На следующий день я вернулся в "Темп-О" и снова устроился на работу. У меня не было планов надолго задерживаться у миссис Фробишер, но я хотел, чтобы у меня была работа, когда нагрянут копы. Пирсон был в комнате для отдыха. Там же была Дайан. По телевизору шло ток-шоу. Дайан улыбнулась мне кривоватой улыбкой и произнесла:

— Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом²³⁰.

---

²³⁰ строчка из шекспировской пьесы "Генрих V"

Пирсон читал газету, разбросав страницы возле своих ботинок. Он мельком взглянул на меня и снова спрятался за газетой.

— Значит, ты вернулась, — сказал я Дайан.

— Как и ты. У Элджина не сложилось?

— Сначала складывалось, потом нет. Он начал странно себя вести, когда его эксперименты не удавались.

— И вот мы здесь. Все дороги ведут в "Темп-О".

Вошла миссис Фробишер.

— Кто желает на допрос к Брюн и Кэткарту? — Не дожидаясь ответа, она просто указала на новую женщину, которую я не знал. — Ты, Жанель. Живо.

Пирсон закончил читать раздел газеты, связанный с местными новостями, и я подобрал этот листок. На нижней части страницы 1В была статья под заголовком "МУЖЧИНА ИЗ КАСЛ-РОКА ПОГИБ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЗРЫВА ГАЗА НА ОЗЕРЕ ДАРК-СКОР". В статье говорилось, что дело расследуется как несчастный случай или возможное самоубийство. Также отмечалось, что из-за сильного дождя пожар не распространился.

Я сказал:

— Чёрт возьми, мой предыдущий босс мертв, — и показал статью Дайан.

— Как не повезло ему и как повезло тебе. — Она прочитала статью. — Он был склонен к самоубийству?

Мне пришлось задуматься над этим вопросом.

— Не знаю.

* * *

На следующий день я был в суде. Когда я вернулся в пансион, в гостиной меня ждали двое полицейских. Один был в форме, другой — детектив. Они представились и спросили, сколько времени я работал у Элджина. Я ответил, что около месяца. Рассказал им то же, что и Дайан: что у Элджина поехала кукушка, когда его эксперименты не удавались, поэтому я ушёл. Да, я жил в гостевом доме, но съехал, когда уволился. Нет, меня там не было, когда его дом взорвался. Еще они спросили, знаю ли я человека по имени Бёртон Деверо. Я ответил, что слышал это имя, оно было в списке испытуемых Элджина, но самого человека не знал и никогда не видел. Детектив дал мне свою визитку и попросил позвонить, если я что-то вспомню. Я пообещал, что позвоню. Я спросил, не думает ли детектив, что Элджин покончил с собой.

— Это вас удивляет, мистер Дэвис?

— Не очень.

— Он включил газовую плиту, и мы нашли расплавленный кусок зажигалки на том месте, что осталось от кухонного пола, и как вы считаете?

Что я посчитал, так это то, что умный детектив мог бы задуматься: если они нашли остатки "Зиппо" на кухне, то как Элджин мог оказаться на кушетке в столовой? Но, видимо, детектив не блистал умом.

* * *

Я проработал в "Темп-О" до сентября, а затем уволился и уехал в Небраску. Никаких особых причин для Небраски не было, просто туда меня занесло. Я устроился на временную работу на ферму, одну из тех больших агрокомпаний, и управляющий оставил меня после окончания сезона сбора урожая. Сейчас я здесь. Идет снежная буря. Шоссе I-80 перекрыто. Я сижу за этим столом и думаю о галактиках за галактиками. Скоро я закрою этот блокнот, погашу свет и лягу спать. Шум ветра убаюкивает меня. Иногда мне снятся вьетнамские джунгли и мужчины, кричащие в огне. Иногда женщины, кричащие в огне. Дети. Они умоляют: "Nahn tu, nahn tu". Это хорошие сны. Поверьте, я говорю правду. Потому что есть и плохие сны. В плохих снах я стою перед красным домом с зеленой дверью. Если я попытаюсь открыть эту дверь, она откроется. Я знаю это и знаю, что однажды войду внутрь и встану на колени у порога гостиной. "Nahn tu", — буду умолять я, — "nahn tu", но когда придет этот последний сон, пощады не будет. Не для меня.

С мыслями о Кормаке Маккарти²³¹ и Эванджелине Уолтон²³²

[К содержанию](#)

От переводчика

Перевод осуществлен бывшим студентом минского иняза (МГЛУ) Ернарар Шамбаевым абсолютно бескорыстно, что называется, из любви к искусству. Я крайне не поддерживаю решение Стивена Кинга отгородиться от русскоязычных читателей, но это его право. В любом случае убежден, что нельзя оставлять его творения без перевода на великий и могучий.

Если вам понравился перевод и вы желаете отблагодарить автора, то вот номер его счета:

4400 4301 4291 3943 YERNAR SHAMBAYEV

Это поддержит его в работе над переводами следующих произведений великого мастера современности. На подходе следующая книга о Холли Гибни "Always Holly" —

---

²³¹ Кормак Маккарти — американский писатель-романист, прозаик и драматург, сценарист, обладатель Пулитцеровской премии

²³² Эванджелина Уолтон — американская писательница

“Холли навсегда”. Это будет довольно большая книга со множеством героев и множеством сюжетных линий и, возможно, последняя о ней.

Также я принимаю заказы на перевод художественной, технической, программистской, спортивной, шахматной литературы с английского языка на русский. Мой email: yernar@rambler.ru

БОНУС: интервью со Стивеном Кингом (май 2024)

Мэри Луиза Келли: Я хотела бы начать с вопроса о повести "Человек-ответ". Вы начали ее писать, когда вам было 30, а закончили её в 75. Что же произошло?

Стивен Кинг: Ну, я её потерял. Со мной так бывает: я пишу рассказы и не всегда их завершаю. Те, что не дописываются, попадают в ящик, и я про них забываю. А около пяти лет назад мои люди начали собирать все мои завершённые и незавершённые работы и складывать их в архив. Они искали повсюду – в ящиках стола, в корзинах для мусора под столом, во всех местах. Я не очень организованный человек. Мой племянник Джон Леонард нашел эту конкретную вещичку, написанную в отеле "Ю-эн Плаза"²³³ в 70-х годах, как мне кажется. И он сказал: "Знаешь, она очень хороша. Тебе действительно стоит её закончить". Я прочитал и сказал: "Кажется, теперь я знаю, как её закончить". И закончил.

Келли: Первые шесть или около того страниц, которые вы написали в отеле, превратились в 50-страничную повесть. Почему вы решили, что стоит вернуться?

Кинг: Ну, мне понравилась концепция: молодой человек едет по дороге и пытается понять, стоит ли ему присоединяться к юридической фирме своих родителей в Бостоне или начать свое собственное дело. И он встречает на обочине человека, который называет себя Человеком-который-знает-всё. И тот говорит: "Я отвечу на три ваших вопроса за 25 долларов, и у вас есть 5 минут, чтобы их задать". И я подумал, что напишу эту историю в трех действиях. Первый акт — когда вопрошающий молод, второй — когда он среднего возраста, и третий — когда стар. Вопрос, который я себе задаю: "Хочешь ли ты знать, что случится в будущем, или нет?"

Келли: Эта история, как и многие другие ваши произведения, — о судьбе, о том, чему суждено случиться, независимо от наших действий, независимо от того, какой выбор мы делаем. Вы верите в это?

Кинг: Мой ответ — я не знаю. Когда я пишу свои произведения, то пишу их, чтобы разобраться, что я думаю на самом деле. Не думаю, что на этот вопрос есть ответ.

Келли: В послесловии к книге вы упоминаете, что возвращение в свои семьдесят с лишним лет к завершению истории, которую вы начали писать ещё в молодости, дало вам, цитирую ваши слова, "крайне странное ощущение зова в каньон времени". Можете объяснить, что это значит?

Кинг: Ну, вы слушаете, вернется ли эхо. Когда я был молод, у меня были юные представления о Человеке-ответе. Но теперь, когда я достиг, скажем так, определенного возраста, я вынужден

---

²³³ отель в Нью-Йорке

писать, опираясь на свой опыт и мысли том, каково это — быть стариком. Так что да, для меня это было, как крик и ожидание, вернется ли эхо спустя столько лет.

Келли: Есть ли такие темы, которых вы избегаете, которых вы сторонитесь, о которых вы задумываетесь и говорите: "Знаете что, это слишком жутко, слишком дико"?

Кинг: У меня был роман под названием "Кладбище домашних животных", который я написал и отложил в стол, потому что подумал: "Никто не захочет это читать. Это слишком ужасно". Я хотел его написать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, но не думал, что буду его публиковать. А потом я оказался в контрактных тисках-обязательствах и должен был выпустить книгу с моей старой компанией, поэтому выпустил её. И обнаружил — одновременно к своему восторгу и ужасу, — что американскую публику невозможно оттолкнуть чем-то очень страшным. Нельзя зайти слишком далеко.

Келли: Насколько я помню, это был огромный бестселлер.

Кинг: Да, это был бестселлер, и по нему сняли фильм. То же самое произошло с "Оно", о клоуне-убийце, охотящемся на детей.

Келли: Который до сих пор преследует меня в кошмарах, должна вам признаться. Сколько книг вы написали на данный момент?

Кинг: Не знаю.

Келли: Правда? В нашем недавнем репортаже о вас мы называли цифры от 50 до 70.

Кинг: Наверное, их около 70, но я не веду подсчетов. Помню, в детстве я думал, что было бы замечательно написать 100 романов за жизнь.

Келли: О Боже. Ну, вы, похоже, по-прежнему получаете от этого огромное удовольствие, так что надеюсь, нас ждёт впереди ещё много ваших романов.

Кинг: Было бы здорово.